

Чешские специалисты и восстановление богемистики в послевоенном Ленинграде

Славяноведение в России прошло сложный путь от становления и до подъема в XIX в. и вновь до упадка в 30-е годы XX в., который был обусловлен господством в науке так называемого „марровского учения о языке“, отрицавшего, в частности, роль и значение сравнительно-исторических методов¹.

Упраздненные было кафедры славянской филологии начали восстанавливаться лишь в пору Великой Отечественной войны, когда стали вырисовываться контуры будущей совместной борьбы славян с немецкими фашизмом. Но трудности военного времени не позволяли делу успешно развиваться. Очень красноречиво говорят об этом скупые строчки из Материалов к истории филологического факультета Ленинградского–Петербургского университета:

В августе 1941 г. ректор ЛГУ проф. А. А. Вознесенский издал приказ об организации кафедры славянской филологии. Заведующим кафедрой был назначен К. А. Пушкаревич [специалист по чешскому языку – Г.Л.], но кафедра к работе не приступила, в 1942 г. К. А. Пушкаревич умер от голода².

После эвакуации летом 1944 г. Ленинградского университета из волжского города Саратова идея о самостоятельной кафедре славянской филологии в его составе наконец реализовывалась, а первый набор студентов-славистов был произведен еще в Саратове. Однако возникли очень серьезные проблемы с кадровым обеспечением этой кафедры. К счастью, пережили военное лихолетье ученица К. А. Пушкаревича Евдокия Сергеевна Андреева (1915–1988) и историк западных славян Любовь Вячеславовна Разумовская, которая „переквалифицировалась“ в преподавателя исторической грамматики чешского и польского языков.

Но как было учить студентов живому, например, чешскому языку, когда никто по существу не слышал, как он звучит! В богатой библиотеке славянского кабинета, где полки просто ломились под томами научной литературы XVIII

---

¹ См. об этом, в частности: В. В. Виноградов, *Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития*, Москва 1967; Н. А. Мещерский, П. А. Дмитриев, *Русское и славянское языкознание в Петербургском–Ленинградском университете за 150 лет (1819–1969)*, „Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература“ 1969, №2; В. Н. Базылев, В. П. Нерознак, *Традиция, мерцающая в толще истории*. [в:] *Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология*, Москва 2001, с. 3–20.

² В. Д. Андреев, И. С. Лутовинова, *Фрагменты истории факультета (1724–1999)*, [в:] *Филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Материалы к истории факультета*, Санкт-Петербург 2002, с. 14.

и XIX вв., практически не было современных текстов на славянских языках, не говоря уж об учебниках. К большой радости заведующей кафедрой Э. А. Якубинской, удалось раздобыть связку чешских книг: это были томики Я. Гашека – приключения уже всем тогда известного Швейка! Но оказалось, что для аудиторного чтения этот текст не очень-то годится: то и дело там попадались просторечные слова и обороты, не отраженные словарями и ставившие в тупик как учащихся, так и преподавателей.

В 1946 г. пришло спасение: в Ленинград приехала первая группа чехов, в которой были три филолога: Борживой Новак, Цтирад Босак и Наташа Калалова. А через несколько месяцев приехала и вторая, гораздо более многочисленная, группа студентов разных специальностей; среди них – Владимир Барнет, Ярослав Моравец, Радегаст Паролек³. Все перечисленные здесь чешские стипендиаты были привлечены к преподаванию чешского языка на славянском отделении в качестве лекторов. По существу, это было только началом традиции: после отъезда первых лекторов их в течение еще нескольких лет сменяли младшие коллеги.

Самым старшим из них был Борживой Новак (1906–1973), преподаватель русского языка в Брненском университете, довоенный ученик Б. Гавранека. „Борживой Фердинандович” (как он сам себя просил называть на русский лад) пользовался всеобщей любовью и, можно сказать, стал для многих эталоном чеха вообще. Спокойный, доброжелательный, с неизменной мягкой улыбкой, он покорял не только своих слушателей. Помню, как тепло относились к нему, например, официантки в студенческой столовой, почтительно называвшие его „Божемой Фердинандович”.

Более молодые коллеги Б. Новака тоже были учениками профессора, будущего академика Богуслава Гавранека. В их судьбе было много сходного: как известно, в 1939 г. в пору оккупации Чехословакии, были закрыты чешские университеты; многие студенты были угнаны на принудительные работы в Германию, кто-то оказался в лагерях, а остальные были предоставлены сами себе. Нашим добровольным лекторам Ц. Босаку, Н. Калаловой, В. Барнету, Я. Моравцу, Р. Паролеку (литературоведу, ученику Богумила Матезиуса) пришлось тогда прервать работу на третьем курсе Карлова университета. В Ленинграде они в течение трех лет завершили свое филологическое образование, написали дипломные сочинения по русистике и, вернувшись в Прагу, с успехом продолжали любимую работу.

Надо сказать, что первые чешские лекторы-студенты очень выделялись рядом общих для них черт: в первую очередь подлинным научным и общественным энтузиазмом, горячим стремлением догнать все, что было упущено за вре-

---

³ Jaroslav Moravec, *Dik, že jsem byl učitelem i žákem LGU* [письмо к Г. А. Лилич от 26.05.1999 г.], см. предыдущую статью в „Хронике”.

мя войны, в совершенстве овладеть русским языком, познать окружающую их советскую действительность и, пожалуй, самое главное – упрочить дружбу наших стран. Их объединяло также то, что они были учениками Б. Гавранека. Они знали то, что нам, ленинградским студентам и аспирантам, тогда было еще неизвестно: идеи Пражского лингвистического кружка. Ребята привезли с собой целые библиотечки новой филологической литературы, помогали нам готовить „домашнее чтение” по французскому языку по знаменитым „Tgavaux” Пражского лингвистического кружка.

Совершенно необыкновенной девушкой была Наташа Калалова. Ее русское имя объясняется тем, что в семье царил культ Льва Толстого. Началось это, вероятно, с дружбы ее деда Карла Калала с личным врачом и другом великого русского писателя – Душаном Маковецким. Три поколения этой семьи (дед и отец – литераторы и учителя) не только прекрасно знали творчество Л. Толстого, но даже все стали вегетарианцами! Наташа много лет прекрасно преподавала русский язык в Карловом университете; теперь она давно на пенсии; ее русские друзья и ученики по возможности навещают ее как самого близкого человека.

Цтирад Босак имел явно выраженный философский склад ума. В филологии его привлекало марровское учение о стадийном развитии языка, которое тогда официально рассматривалось как „марксизм в языкознании”. Цтирад с упоением открывал для себя „марксистские истины”, пропадал в библиотеках и на теоретических дискуссиях. По возвращении в Прагу он написал пару статей о марровском учении и оказался таким образом единственным „марристом” в Чехословакии. Впоследствии он серьезно занимался наукой и преподаванием русского языка в Карловом университете.

Для Владимира Барнета (1924–1983) и Ярослава Моравца лекторский опыт в Ленинграде, пожалуй, сыграл важную роль в их дальнейшей судьбе: ведь им пришлось у нас подготовить и прочитать кроме исторической грамматики и объемный курс истории литературного чешского языка. Для этого была твердая опора – новаторский для своего времени труд их учителя Б. Гавранека *Úvoj spisovné češtiny* (Praha 1934). Сопоставляя подходы русских и чешских научных школ, молодые ученые приобрели серьезную научную базу для будущих собственных исследований.

В. Барнет впоследствии стал одним из ведущих чешских русистов, а Я. Моравец, пройдя аспирантуру в Киеве, развернул обучение украинскому языку в Карловом университете.

Видным специалистом в области чешско-русских литературных связей стал и наш бывший лектор Радегаст Паролек, продолживший направление своего учителя проф. Богумила Матезиуса. В Ленинградском университете Р. Паролек читал курс чешской литературы для богемистов.

Подводя итоги этим коротким заметкам, хочется подчеркнуть особую роль первого послевоенного чешского лектора в Ленинградском университете как

важного связующего звена между русской и чешской славистикой, положившего конец длительному вынужденному перерыву в научных связях. Возродились и давние, еще 20-х лет, дружеские отношения между нашими учителями – Б. Гавранек и Б. А. Лариным. Академик Б. Гавранек не раз приезжал в Ленинградский университет, поддерживал наши богемистические начинания и как бы ставил нас в один ряд со своими учениками...

Хочется верить, что эта драгоценная духовная связь между Учителями и Учениками никогда не прервется...

Галина А. Лилич, Санкт-Петербург

Изучение и преподавание чешской литературы на кафедре славянской филологии ЛГУ–СПбГУ

Преподавание и изучение чешской литературы началось в Петербургском университете с момента организации в 1835 году кафедры славянских наречий, когда сведения о ней стали включать в свои лекции по истории славянских литератур М. И. Касторский (1807–1866) и П. И. Прейс (1818–1846). Целая эпоха петербургской славистики с середины XIX века связана с именами И. И. Срезневского (1812–1880) и В. И. Ламанского (1833–1914), которые рассматривали литературный процесс в славянских землях на широком историко-культурном фоне. В их трудах наиболее полное освещение получил древний период в развитии чешской литературы. И. И. Срезневский глубоко изучал чешские древности в годы своего пребывания в Праге (1839, 1841–1842 гг.), всю свою жизнь он поддерживал сердечные отношения с К. Я. Эрбеном, вся их переписка исполнена неподдельного интереса к литературным памятникам чешского и русского народа далеких времен. Проф. В. И. Ламанский, более 30 лет работавший на кафедре славяноведения (так она стала называться в 1855 г.), читал уже специальный курс лекций по истории чешской литературы. (Сохранившийся их экземпляр, отпечатанный на гектографе, хранится в университетской библиотеке). Первый труд по истории чешской литературы в России, имевший большое общественное и культурное значение, тоже был издан профессором петербургского университета А. Н. Пыпиным (1833–1904) – это раздел *Литература Чехии* в его книге *Обзор истории славянских литератур* (1865). Более полным является этот раздел в двухтомной *Истории славянских литератур* (1879–1881), где повествование доведено до 70-х гг. XIX в. А.Н. Пыпин неоднократно бывал в Праге (1858–1859, 1859–1860, 1862), где стремился почерпнуть сведения о чешской литературе из первоисточника. Сразу же после возвращения в Россию он опубликовал в журнале „Современник” большой очерк *Два месяца в Праге* (1859–1860), а затем *Вячеслав Ганка* (1861), который содержит живые наблюдения и глубокие рассуждения передового деятеля русской науки и куль-